

UDC 101.9

DOI: 1606-951X.2017.2.2214

С.А. СМИРНОВ

ФИЛОСОФ И РЕВОЛЮЦИЯ. К СОБЫТИЙНОСТИ БИОГРАФИЙ

***Аннотация:** В статье проводится анализ феномена событийности в личной жизни философа. Анализ дается на материале личных свидетельств философов через призму их отношения к событиям октября 1917 года. На материале биографий братьев*

Бахтиных и их друзей излагается версия того, что означает ответ философа в ситуации запредельного онтологического вызова и какие ответы философ предлагает своими поступками, своей биографией.

***Abstract:** The article gives an analysis of phenomenon of eventfulness in the personal life of the philosopher. The analysis is given on the material of personal testimonies of philosophers through the prism of their attitude to the events of October 1917. On the material of the biography of the Bakhtin brothers and their friends, a version of what the philosopher's answer means in a situation of an out-of-order ontological challenge is presented, and what sort of answers the philosopher offers by his actions, his biography.*

***Ключевые слова:** биография, свидетельство, автор, революция, ренессанс*

***Keywords:** biography, testimony, author, revolution, renaissance*

Вызов

Что делает человек в ситуации запредельного, онтологического, вызова? Вызова, при котором рушится привычный мир, и у человека в его распоряжении остаются только его ноги, руки и голова? То есть в ситуации Иисуса Христа? В этой ситуации человек идёт на крест. Он не рассуждает. Он поступает: «Но кто ударит в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду, и кто принудит тебя идти одно с ним поприще, иди с ним два» (Мф 5, 39-40).

Когда тебе бросают запредельный вызов, то и отвечать приходится чрезмерностью, запредельно — так, чтобы бросающий вызов сам ужаснулся. Ведь от тебя требуют отдать все и прежде всего — самого себя. Требуют, чтобы ты отказался от всего — от дома, от Родины, от твоих книг, от твоих мыслей, от свободы. Когда ты понимаешь, что ты попал именно в такую ситуацию, то что ты вынужден делать? Именно делать, то есть отвечать действием, поступком? Уехать? Покончить собой? Начать вести переговоры? С кем? О чём?

Смирнов Сергей Алевтинович — доктор философских наук, заведующий лабораторией стратегических и форсайтных исследований и разработок НГУЭУ, главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU» (Новосибирск). E-mail: Smirnoff1955@yandex.ru.

Мне думается, что в Октябре 1917 г. многие представители интеллектуальной интеллигенции, то есть те, у кого в распоряжении была только их собственная личность, их руки, ноги и голова, попали именно в такую ситуацию. Будучи вооружены только своей мыслью, им пришлось отвечать. То есть давать ответ на то, что тогда происходило.

У нас нет возможности обсуждать этот вопрос подробно — он был бы многостраничным и многотомным. Позволим себе другой жанр: возьмем в качестве материала ответы самих философов, попавших тогда в такую ситуацию запредельного вызова, и спросим их самих — как они себя тогда чувствовали, что они переживали и как отвечали? Причем, отвечали не текстами и концептами, а своим действием, то есть, своей биографией. И как они потом оценивали свой ответ?

Итак, слушаем прямую речь — свидетельства, беседы, разговоры. Ввиду ограниченности формата статьи проследим эту речь на примере одной биографии — М.М. Бахтина.

Октябрь и Третий ренессанс

М. М. Бахтин вспоминал, что во время Февральской революции и Октябрьского переворота он не митинговал, хотя и был молодым человеком, не болел левой болезнью, а просто сидел дома или в библиотеках [5, 119].

Что означает этот ответ? Ответ предельно будничным и даже странным. Все, особенно молодежь, ходили на митинги, были увлечены кто красным, а кто белым цветом, кто левым, кто правым уклоном. А этот? Он просто сидел в библиотеке или дома за книгой. Думал о хранении, а не о свержении.

Он и его брат Николай думали о другой, духовной революции. Думали о славянском Возрождении: то, что произошло в первой трети XX в. в российской культуре, некоторые авторы так и называют Третьим Ренессансом [15] (см. прим. 1).

Николай Бахтин вспоминал: «... Это было семнадцать лет назад в «Красном Октябре» — в Петербурге во время коммунистического переворота. В маленькой холодной квартире на Васильевском острове, при свечах (потому что, разумеется, электричества не было в те дни), нас собралось двенадцать человек во главе с нашим старым учителем, профессором Зелинским. Все мы — знатоки греческого языка, философы и поэты — общество, имевшее обыкновение собираться и обсуждать классические темы в их отношении к настоящему. «Союз третьего Возрождения» — так самонадеянно мы его называли. Потому что мы верили, что были первыми деятелями нового Ренессанса — окончательной и высшей интеграции современным миром эллинской концепции жизни. Потому что, как и все прочее в России, занятия классической филологией были не просто обучением, но, сверх того, способом пересоздать жизнь. Изучение греческого языка было подобно участию в опасном и волнующем тайном заговоре против самих основ современного общества во имя греческого идеала. Воодушевленные этими чаяниями, мы тогда оказались перед лицом событий, которые, казалось, должны были положить конец нашим наивным надеждам. Россия была на пути к чему-то совсем иному, нежели Греческое Возрождение» (цит. по: [5, 299]).

Ф.Ф. Зелинский называл эпоху духовного подъема серебряного века Славянским ренессансом, или Третьим возрождением. Его ученики эту идею подхватили. Но эти надежды продержались недолго. Переворот 1917 г. и дальнейшие события быстро развеяли эти иллюзии, о чем также писал позднее Н.М. Бахтин [3].

В. Л. Махлин предлагал применить понятие Третьего возрождения в целом к новой гуманитарной парадигме, одним из авторов которой был М.М. Бахтин [15]. В.Л. Махлин назвал когорту интеллектуалов, генерацию людей, которая делала это Третье Возрождение, русским неклассическим гуманизмом 20-х гг. (см. прим. 2).

Новая гуманитарная парадигма, которую несла эта генерация, отличалась как от западноевропейской традиции, из которой вышел тот же М. Хайдеггер, так и от русской философии всеединства. Эта «русская контр-идея», пишет В.Л. Махлин, предполагала снятие пустого абстрактного противопоставления западноевропейской культуры и русской, западников и славянофилов. Она предполагала поиск другой правды в пользу действительной свободы, которая в конечном итоге означает путь личного преодоления и «личного претворения». Речь шла о возрождении, понимаемом как личное героическое усилие. Николай Бахтин так и писал в 1927 г.: «подлинное творчество не может не сознавать себя как возрождение утраченных ценностей» [3, 213]. Его брат Михаил в конце жизни пишет: «Нет ничего абсолютно мертвого. У каждого смысла будет свой праздник возрождения» [1, 373] (см. прим. 3).

О непогибших

Что дальше? Дальше М.М. Бахтин уезжает в 1918 г. в городок Невель, а в 1920 г. переезжает в Витебск. Не только потому, что в Петрограде был голод, а в малых городках огород, картошка спасали от голода, но и потому, что энергия отказа от большевизма толкала на уединение, на периферию, на край — туда, где ранее никакой культуры и философии не было. На тот короткий период Невель и Витебск становятся весьма активными центрами культурной жизни [13].

Там Бахтин с друзьями организуют свой «круг», который получил название «круга Бахтина», хотя он и не был его центром. Это был их маленький «наш Марбург». Итак, подальше от власти, от войны, от революции.

Что дальше? Дальше уход разворачивается в странную, на первый взгляд, историю, давшую пищу для многих исследователей. Бахтин начинает и вовсе шифроваться, скрывать свое имя и свои рукописи. На виду он был весьма активен, как и все — участвовал в диспутах, спорах, выступал с лекциями, работал преподавателем (см. прим. 4). А у себя дома, в тиши что-то писал.

Приведём его собственные рассказы-свидетельства о 20-х гг. И прежде всего речь пойдёт о так называемых «девтороканонических» текстах, как выразился С.С. Аверинцев, которые были изданы под именами друзей Бахтина [8; 9; 10; 16]. Его собственные свидетельства говорят о многом именно в части его собственного понимания той ситуации и поиска им ответа на предельный вызов. В этих свидетельствах, как во всякой автобиографии, важны детали и контексты. Поэтому проследим за ними.

Вспоминает Вяч. Вс. Иванов: «Многие обращают внимание на сходства Бахтина и Выготского (который читал Бахтина под фамилией Волошинова). Когда я спросил Бахтина, с которым я много виделся в последние годы его жизни, почему он печатался под чужим именем, тот ответил: “Вячеслав Всеволодович, неужели Вы думаете, что я мог бы поставить свое имя на книге с названием “Марксизм и философия языка?”» [14, 3]. Вяч. Вс. Иванов далее комментирует: «Проблема проста: Бахтин не просто взял чужое имя, он частично стилизовал текст в духе предполагаемого марксиста, занимающегося философией языка. В книге есть два голоса: самого Бахтина и

этого стилизованного марксиста. Я думаю, что аналогичные проблемы выделения собственной мысли автора из-под наслоения обязательных цитат и чужих мнений встают и по отношению к Выготскому и раннему Лурия» (цит. по [14, 3-4]).

Идея о стилизованном марксисте интересна, она даёт версию объяснения самой позиции Бахтина: он хотел высказать своё мнение относительно ключевых проблем философии языка, но не мог этого сделать напрямую, от первого лица, поэтому сделал стилизацию, сохранив в глухой скрытой версии свою позицию. Этаким вариантом карнавализации, игры масок. Но ведь В.Н. Волошинов был не придуманной маской, а реальным человеком, другом Бахтина. Зачем нужно было устраивать этот карнавал и зачем это нужно было самому Волошинову?

Возьмём другое широко известное свидетельство. Здесь мы увидим более фундаментальное и одновременно личное объяснение.

Вспоминает С.Г. Бочаров (см. прим. 5): «На кровати у Михаила Михайловича лежала, видимо, кем-то ему принесенная книга В.Н. Волошинова “Марксизм и философия языка” (своей у него, по-моему, не было). Я обратил на нее внимание, взял в руки. Елена Александровна (жена Бахтина. — С.С.): “Помнишь, Мишенька, как ты диктовал ее Валентину Николаевичу на даче в Финляндии...”

Я решил тогда спросить о причинах странного авторства этой книги и книги Медведева о формальном методе; эта тема впоследствии возникла в разговорах еще не раз. Он ответил небольшим монологом, который был произнесен с небольшим пафосом (вернувшись домой, я записал разговор в тот же вечер):

— Видите ли, я считал, что могу это сделать для своих друзей, а мне это ничего не стоило (написать три книги! — С.С.), я ведь думал, что напишу еще свои книги, и без этих неприятных добавлений (тут он кивнул с гримасой на заголовок) (см. прим. 6). Я ведь не знал, что все так сложится. А потом, какое все это имеет значение — авторство, имя? Все, что было создано за эти полвека на этой безблагодатной почве под этим несвободным небом, все в той или иной степени порочно.

— Михаил Михайлович, если не говорить пока об этой книге (Волошинова), с ней сложно, но что порочного в вашей книге о Достоевском?

— Ну что Вы, разве так бы я мог ее написать? Я ведь там оторвал форму от главного. Прямо не мог говорить о главных вопросах.

— О каких, М.М., главных вопросах?

— Философских. О том, чем мучился Достоевский всю жизнь, — существованием божиим (см. прим. 7). Мне ведь там приходилось все время вилять — туда и обратно. Приходилось за руку себя держать. Только мысль пошла — и надо ее останавливать. Туда и обратно (это М.М. повторил в разговоре несколько раз). Даже церковь оговаривал...».

Бочаров пытается возразить: «... Вы ведь в первой главе, — так я говорил, — рассчитались с философской критикой и показали ее недостаточность для объяснения главного в Достоевском, показали, что софилософствовать с Достоевским, или вернее, с его героями, на темы, все ли позволено, если... и т.д. — не то же, что глубоко прочитать Достоевского.

— Да, может быть — отвечал М.М. — но это все литературоведение (вновь с некоторой гримасой). Это все в имманентном кругу литературоведения, а должен быть выход к миру иным. Нет, в высшем совете рассмотрено это «слово» не будет. Там это не прочитают» [6, 50-51].

Бочаров приводит другие слова Бахтина: «Публикации не под своим именем устраивали: считал, что еще не время». — «А книга о Достоевском?» — «Решил начать. Я же не знал, что это начало окажется концом» (10.04.1974)» [6, 52].

Еще свидетельство: «Кроме того, ведь есть показания современников и свидетелей тех отдаленных событий, зафиксированные тоже, как правило, не одним собеседником, — вдовы В.Н. Волошинова, Нины Аркадьевны Волошиной (которая говорила мне в апреле 1975 г. о книгах “Фрейдизм” и “Марксизм и философия языка”: Эти книги написал Михаил Михайлович)..., а также таких крупных деятелей, попавших тогда под волошинско-медведевскую критику, как В.В. Виноградов (не сомневавшийся в бахтинском авторстве статьи “О границах поэтики и лингвистики”) и В.Б. Шкловский (и в 70-е годы не прощавший Бахтину книги о формальном методе)» [6, 53] (см. прим. 8).

Приведем еще одно свидетельство Бочарова относительно еще одной маски: «У меня сохранилась фотокопия журнального оттиска статьи И.И. Канаева “Современный витализм” (см. прим. 9) (“Человек и природа”. 1926. № 1-2), на которой рукой подписного автора засвидетельствовано: “Эта статья написана целиком М. М. Бахтиным, я только снабдил его литературой и способствовал изданию в журнале, где меня знали в редакции. 3 ноября 75 г. И. Канаев”.

Тогда же, 17.11.1975, он мне писал: “Посылаю Вам фотокопию со статьи М. М. под моей фамилией. Я, кажется, уже рассказывал Вам, что, живучи летом 1925 (?) в Петергофе, М.М. как обычно в те годы, нуждался в деньгах и с целью заработка написал эту статью. В писании ее я не участвовал, а только достал нужные работы и способствовал изданию ее» [6, 53-54].

Вот ещё одно свидетельство самого Бахтина. В разговоре с Дувакиным он замечает (см. прим. 10): «Я с ним (поэтом-символистом Вяч. Ивановым) встречался в Ленинграде, на вечере, меня познакомили там... дело в том, что у меня был близкий друг — Волошинов. Он автор книги “Марксизм и философия языка”, книги, которую мне, так сказать, приписывают... И вот он познакомил меня с ним на вечере в Ленинграде...» [5, 77-78].

И, наконец, ещё одно свидетельство. Бочаров пишет: «В. В. Кожин познакомил меня с письмом Бахтина от 10.01.1961 года и разрешил на него сослаться. Письмо написано в ответ на запрос Кожина, вызванный информацией от В.В. Виноградова: «Книги “Формальный метод” и “Марксизм и философия языка” мне хорошо известны. В.Н. Волошинов и П.Н. Медведев — мои покойные друзья; в период создания этих книг мы работали в самом тесном творческом контакте. Более того, в основу этих книг и моей работы о Достоевском положена о б щ а я к о н ц е п ц и я языка и речевого произведения. В этом отношении В. В. Виноградов прав. Должен заметить, что наличие общей концепции и контакта в работе не снижает самостоятельности и оригинальности каждой из книг. Что касается до других работ П.Н. Медведева и В.Н. Волошинова, то они лежат в другой плоскости и не отражают общей концепции, и в создании их я никакого участия не принимал. Этой концепции языка и речи, изложенной в указанных книгах без достаточной полноты и не всегда вразумительно, я придерживаюсь и до сих пор, хотя за 30 лет она совершила, конечно, известную эволюцию» [6, 57-58].

Итак, мы привели ряд свидетельств. Бочаров сам признается, что в нашем распоряжении не доказательства, а свидетельства, правда, многих людей, включая и со-

временников Бахтина, и разных его собеседников, которым он в разное время признавался, что был автором этих работ (см. прим. 11). При этом степень и тип авторства до сих пор обсуждается.

Итак, мы имеем несколько свидетельств об авторстве Бахтина. Возникает такое ощущение, что Бахтин, сам активно и глубоко занимавшийся разработкой концепции авторства, в своей личной биографии совершал вполне определенные действия, которые по факту показывают весьма оригинальную версию личного авторства Бахтина – стратегию отказа от авторства. Про свои ранние работы по философской антропологии он вообще не вспоминает. Как будто их и не было.

Свою версию высказал Бочаров. Он полагает, что Бахтин был вынужден приспособиться к новому языку эпохи. Отчасти, возможно, как сказал И.И. Канаев, ему нужны были деньги. Но во многом действия Бахтина объяснялись тем, что его мысль требовала выхода, а до конца предельные вопросы он обсуждать не мог, как не мог публиковать свои ранние философские тексты, пролежавшие много лет в рукописи. И потому он писал новые тексты под именами друзей, благо у него до ареста в декабре 1928 года было время – книгу о Достоевском он закончил. При наличии общего круга и постоянных контактов между друзьями написание этих книг было вполне реальным делом как совместное творчество при доминировании главного автора идей, Бахтина.

Но можно допустить и более жёсткую версию. Выше мы сослались на разговор Бахтина с Бочаровым, в котором он признается в том, что он был вынужден приспособиться, влиять туда и обратно, что он был не до конца последователен в книге о Достоевском. А про свою философскую работу, получившую позднее с легкой руки Бочарова название «К философии поступка» он в разговорах вообще не упоминает. Он про неё просто забыл. Когда его младшие друзья-современники нашли в чулане в доме в Саранске эту рукопись и принесли ему, он сильно удивился, увидев эти тетрадки (см. прим. 12).

А книгу о романе воспитания он искурил, бумага книги ушла на папиросы, хорошая была бумага, подходила для самокруток. Он рассчитывал, что другой экземпляр, сланный в издательство, сохранится. Но и тот оказался утерян. В итоге книга просто исчезла.

Сочетание этих фактов намекает на то, что Бахтин сознательно не только прятал свое лицо, свое авторство, свою мысль. Он прятал себя, уйдя в глухую эмиграцию, пытаясь вообще начать какую-то иную жизнь. Чего стоит изучение им экономики и работа на бухгалтерских курсах в Кустанае, и написание статьи о потребительском спросе у колхозников! Это ведь просто карнавальное действие! Автор «Философии поступка» и «Франсуа Рабле» занимается бухгалтером и потребительским спросом колхозников (см. прим. 13).

В конце жизни он признаётся Бочарову: «Вообще тогда разложение было в полном ходу, царило презрение к нравственным устоям, все это казалось смешно, казалось, что все рухнуло.

– М.М., и вам тоже?

– М-да, отчасти и мне тоже. Мы ведь все предали – родину, культуру.

– А как можно было не предать?

– Погибнуть. Я тогда же начал писать статью “О непогибших”. Статью ненаучную. Конечно, не кончил, и, конечно, потом уничтожил.

Все это был сказано с ясным лицом и довольно весело» [6, 68-69].

Мы услышали приговор самому себе: надо было погибнуть. Уже тогда, в 20-х. Причем, реально, физически. В разговорах с ним, отмечал Бочаров, проскальзывало его отношение к своей жизни как к неудаче. В его словах периодически возникали покаянные мотивы: не договорил, смолчал, вертелся туда и обратно, обманывал. Значит, предавал. Бахтин, признающийся в предательстве и обмане — это ли не урок всем нам? (см. прим. 14).

Свидетельства Бахтина и его собеседников вызывают ощущение, что Бахтин, понимая это и всегда чувствуя и переживая надлом, решил замуровать свое авторство, вообще свою мысль, свою жизнь, закрыв себе рот. Замолчать. Не жить. Не быть. Ведь все шло к этому. Он мог бы так и работать дальше в Саранске до конца жизни простым преподавателем-доцентом (см. прим. 15). Только благодаря его друзьям он стал работать в Саранске преподавателем. Только благодаря его почитателям и последователям, филологам из Москвы, он оказался вызволен из небытия.

Но дело не в этом. Был вновь открыт Автор, вопреки ему самому. Открыт не по привычной логике, по которой автор ставит на титуле своё имя, творит его, или конструирует свой образ. Автор, всячески избегавший собственного авторства, всё же был вновь открыт, возвращён к жизни.

Всё же состоялся праздник возрождения. Он не погиб. Он выжил. Дожил до того часа, когда вновь начался праздник бахтинского возрождения. Автор родился вновь. И тем показал, что мысль бессмертна! И автор бессмертен!

Крест и молитва

Удивительно то, что в своих идеях, будучи глубоко погружённым в античность, выводил свои собственные мысли из античных корней, Бахтин был всё же христианским мыслителем, для которого личность Христа оставалась главным указующим ориентиром в поступках. Поэтому ранние разговоры молодых людей о русском ренессансе были странным романтическим идеалом, не укорененным в культуре и сознании (см. прим. 16).

Когда к тебе приходит Зло и бросает вызов, ты вынужден поступать не как древний грек, признающий судьбу, а как Христос. Потому что крест и молитва — вот главное! Эти слова Бахтин произнес в разговоре с В.Н. Турбиным уже в конце жизни. Ведь Евангелие — это не текст. Это событие. В нём рассказывается о событии. Причем о событии, на первый взгляд, повседневном, происходящем тут, рядом. Гефсиманский сад ведь сквер был, говорит Бахтин. Просто сквер [19, 239]. И главное в том событии — Крест и мотива! [19, 237].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. — М.: Изд-во Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. — 957 с.
3. *Бахтин Н.М.* Философия как живой опыт. Избр. статьи. — М.: Лабиринт, 2008. — 240 с.
4. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). — М.: Книга, 1991. 446 с.
5. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. — М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. — 342 с.
6. *Бочаров С.Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Михаил Михайлович Бахтин. Под ред. В.Л. Махлина. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 47-79.
7. *Брагинская Н.В.* Славянское возрождение античности // Русская теория. 1920-1930-е годы. Материалы 10-х Лотмановских чтений. Москва, декабрь 2002 г. — М.: РГГУ, 2004. — С. 49-80.
8. *Волошинов В.Н.* (Бахтин М.М.). Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науках о языке. — М.: Лабиринт, 1993 (Бахтин под маской). — 192 с.

9. Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.). Фрейдизм. — М.: Лабиринт, 1993 (Бахтин под маской). — 120 с.
10. Волошинов В.Н., Медведев П.Н., Канаев И.И. Статьи. Бахтин под маской. Вып. 5 (1). — М.: Лабиринт, 1996. — 176 с.
11. Коровашко А.В. Михаил Бахтин. — М.: Мол. Гвардия, 2017. — 464 с.
12. Лосев А.Ф., Лосева В.М. «Радость на веки». Переписка лагерных времен. — М.: Русский путь, 2005. — 264 с.
13. Максимовская Л.М. К устным рассказам М.М. Бахтина о Невеле (комментарии краеведа) // Философские науки. — 1995. — № 1. — С. 93-105.
14. Махлин В.Л. Время сбрасывает маски // Волошинов В.Н., Медведев П.Н., Канаев И.И. Статьи. Бахтин под маской. Вып. 5 (1). — М.: Лабиринт, 1996. С. 3-9.
15. Махлин В.Л. Третий Ренессанс // Бахтинология. Исследования. Переводы. Публикации. — СПб.: Алетейя, 1995. — С. 132-154.
16. Медведев П.Н. (Бахтин М.М.) Формальный метод в литературоведении. — М.: Лабиринт, 1993. (Бахтин под маской). — 208 с.
17. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. — М.: Изд. Моск. ун-та, 2010. — 720 с.
18. Смирнов С.А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. — Новосибирск: Офсет, 2016. — 438 с.
19. Турбин В.Н. Из неопубликованного о М. М. Бахтине // Философские науки. — 1995. — № 1. — С. 235-243.
20. Clark K., Holquist M. *Mikhail Bakhtin*. The Belknap Press of Harvard University Press. — Cambridge, Massachusetts and London, England. 1984.

BIBLIOGRAPHY

1. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorcestva. — М.: Iskusstvo, 1979. — 424 s.
2. Bakhtin M.M. Sbranie sochineniy. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov. — М.: Izd-vo Russkie slovari; Yazyki slavyanskoj kultury, 2003. — 957 s.
3. Bakhtin N.M. Filosofiya kak zhivoy opyt. Izbr. stati. — М.: Labirint, 2008. — 240 s.
4. Berdyayev N.A. Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii). — М.: Kniga, 1991. 446 s.
5. Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym. — М.: Izd. gruppa «Progress», 1996. — 342 s.
6. Bocharov S.G. Ob odnom razgovore i vokrug nego // Mikhail Mikhaylovich Bakhtin. Pod red. V.L. Makhlina. — М.: ROSSPEN, 2010. — С. 47-79.
7. Braginskaya N.V. Slavyanskoe vrozozhdenie antichnosti // Russkaya teoriya. 1920-1930-e gody. Materialy 10-kh Lotmanovskikh chteniy. Moskva, dekabr 2002 g. — М.: RGGU, 2004. — С. 49-80.
8. Voloshinov V.N. (Bakhtin M.M.). Marksizm i filosofiya yazyka: osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v naukah o yazyke. — М.: Labirint, 1993 (Bakhtin pod maskoy). — 192 с.
9. Voloshinov V.N. (Bakhtin M.M.). Freydizm. — М.: Labirint, 1993 (Bakhtin pod maskoy). — 120 с.
10. Voloshinov V.N., Medvedev P.N., Kanaev I.I. Stati. Bakhtin pod maskoy. Vyp. 5 (1). — М.: Labirint, 1996. — 176 с.
11. Korovashko A.V. Mikhail Bakhtin. — М.: Mol. Gvardiya, 2017. — 464 с.
12. Losev A.F., Loseva V.M. «Radost na veky». Perepiska lagernykh vremen. — М.: Russkiy put, 2005. — 264 с.
13. Maksimovskaya L.M. K ustnym rasskazam M.M. Bakhtina o Nevele (kommentarii kraevedu) // Filosofskie nauki. — 1995. — № 1. — С. 93-105.
14. Makhlin V.L. Vremya sbрасyvaet maski // Voloshinov V.N., Medvedev P.N., Kanaev I.I. Stati. Bakhtin pod maskoy. Vyp. 5 (1). — М.: Labirint, 1996. С. 3-9.
15. Makhlin V.L. Tretiy Renessans // Bakhtinologiya. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. — SPb.: Aleteyya, 1995. — С. 132-154.
16. Medvedev P.N. (Bakhtin M.M.) Formalnyy metod v literaturovedenii. — М.: Labirint, 1993. (Bakhtin pod maskoy). — 208 с.
17. Pankov N.A. Voprosy biografii i nauchnogo tvorcestva M. M. Bakhtina. — М.: Izd. Mosk. un-ta, 2010. — 720 с.
18. Smirnov S.A. Antropologicheskyy navigator. K sobyitnoy ontologii cheloveka. — Novosibirsk: Ofsset, 2016. — 438 с.
19. Turbin V.N. Iz neopublikovannogo o M. M. Bakhtine // Filosofskie nauki. — 1995. — № 1. — С. 235-243.
20. Clark K., Holquist M. *Mikhail Bakhtin*. The Belknap Press of Harvard University Press. — Cambridge, Massachusetts and London, England. 1984.

Примечания

1. Эту идею озвучил один из ведущих в начале XX века специалистов по античности Ф.Ф. Зелинский, у которого учились братья Бахтины. Это была именно идея. Не концепт, не теория, а некая идея-мифологема, изложенная в одном его тексте [7].

2. К этой генерации В.Л. Махлин относит братьев Бахтиных, А. Мейера, А. Ухтомского, Л. Пумпянского, Л. Выготского, Д. Чижевского, О. Фрейденберг, Б. Яворского, М. Юдину, М. Кагана, Б. Пастернака, О. Мандельштама, позднего П.А. Флоренского и других.

3. Н.А. Бердяев в своих воспоминаниях писал об «атмосфере русского культурного ренессанса начала XX века». Эта характеристика больше похожа на самоназвание, а не на адекватный эпохе концепт [4, 139-140 и др.]. Бердяев говорил о пробуждении самостоятельной философской мысли с надеждой на преобразование жизни. Но он признает, что в этом русском ренессансе было много языческого, враждебного свободе личности [4, 144].

4. В Невеле было создано научное общество, председателем которого на удивление стал М.М. Бахтин, который, кстати, так и не получил диплома об образовании – никакой гимназии и никакого университета он так и не закончил. Всю дорогу был вольнослушателем, посещавшим лекции и кружки и занимавшийся самообразованием. Предельный случай частного мыслителя.

5. Разговор Бочарова с Бахтиным состоялся 9 июня 1970 года.

6. Карнавальная маска «марксиста» ему не просто не нравилась. Он всегда сознательно открешивался от нее. «Я философ, не литературовед – представился он Бочарову, Кожину, Гачеву в Саранске в 1961 году. Но, прибавил он, не марксист. Интересовался фрейдизмом, даже спиритизмом, но марксистом никогда не был ни в какой мере [6, 58].

7. Даже при написании своей книги о Достоевском Бахтин, выходит, тоже надевал маску, маску «автора книги «Проблемы творчества Достоевского». Выходит, тысячи исследователей, знатоков Бахтина, комментаторов его поэтики Достоевского, изучали его маску, не его самого как автора. Кстати, уже тогда эту сторону его книги о Достоевском «без Бога», отметил А.Ф. Лосев. Сохранилось другое удивительное свидетельство. Как известно, Лосева сослали в 1930 году на Беломорканал. Времена были еще «вегетарианские», по словам А. Ахматовой. Зэки могли себе позволить вечерами обсуждать прочитанные книги, выступать друг перед другом с лекциями. Они организовали кружок «друзей книги». На одном из таких вечеров обсуждалась и книга Бахтина о Достоевском (что тоже удивительно – как она туда попала?). Лосев тогда воскликнул: «Разве можно говорить и писать о Достоевском, исключив Христа!» [12, 198]. Бахтин, не ведая этого возгласа Лосева, признавал это, но уже в конце жизни.

8. Бочаров в этом месте делает ссылку на книгу К. Кларк и М. Холквиста [20, 375].

9. См. публикацию в [10, 102-126].

10. Разговор состоялся 1 марта 1973 года (Беседа вторая).

11. Впрочем, в случае с автобиографией именно свидетельство выступает подчас гораздо более весомым фактором, поскольку мы имеем дело не с познанием так называемого объективного исторического процесса, а с личной историей. В ней важнее личное свидетельство о личном опыте, недели доказательство и постижение объективной истины. Свидетельство отличается от исторического документа тем, что оно представлено живым носителем личного опыта, который (опыт) не передается и не описывается. Он показывает: «Встань и иди!». Евангельский сюжет тому пример. Христос не доказывал, а свидетельствовал о своем опыте: «Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Моё не истинно. Есть Другой, свидетельствующий обо Мне, и Я знаю, что истинно то свидетельство, которым Он свидетельствует обо Мне» (Ин 5: 31-32).

12. Тогда, в 1921 году, он называл эти работы «моей нравственной философией» [2, 343]. В 1971 году, когда эти рукописи были перевезены из Саранска в Москву, Бахтин, узнав, что они сохранились, удивился и сказал: «это моя философская антропология» [2, 351].

13. Сам Бахтин так и вспоминал, что пришлось осваивать экономику и финансы, работать экономистом в райпотребсоюзе. По специальности работать было нельзя, в школу не пускали. Сохранилась удивительная фотография, на которой помещен «преподаватель Бахтин М.» в числе участников 3-их счетоводных курсов Союзного Треста «Свиновод» 1932 года [5, 314]. Чистой воды карнавал!

14. Новоявленные специалисты по Бахтину, пишущие лихие биографии мыслителя, вообще обвиняют его в самозванстве: человек без диплома об образовании, не закончивший ни гимназии, ни университета, хотя и говорящий тому же Дувакину, что учился там, писавший книги, изданные под именами друзей и т.д. [11]. В подобных биографических опусах столько иронии, сарказма, неприкрытого постмодернистского ёрничества, что в принципе претит самому духу бахтинской мысли и жизни. Такие биографы пытаются ловить мыслителя на слове, хватать за руку. Но ситуация была пострашнее: речь шла о жизни и смерти.

15. Впрочем, у него это не совсем получалось. Написание пропавшей позднее книги о романе воспитания, написание книги о Франсуа Рабле, семичасовая защита диссертации о Рабле («Ф. Рабле в истории реализма»), в 1946 году в ИМЛИ им. А.М. Горького, и целая история, связанная с защитой (см. подр. [17]), написание текста в 1940-м году «К философским основам гуманитарных наук», написание новых текстов-набросков «Проблема текста...», «К методологии гуманитарных наук», написание дополнений к книгам о

Достоевском и Рабле в 60-70-х годах: все это говорит о главном – мысль работала, продолжала жить и плодоносить. Правда, главное все же было уже сказано (но недосказано) уже тогда, в Невеле и Витебске, 25-летним мыслителем. Необходимо при этом заметить, что и защита диссертации, и новые издания книги о Достоевском, и переезд его из Савелово в Саранск, и затем переезд его в Москву, и замена жесткого приговора (Соловки) на более мягкий (ссылка в Кустанай) и многие другие эпизоды его биографии – дело рук его друзей из «круга Бахтина», и друзей друзей. А началось всё ещё ранее. Примеры заботы можно умножить. Что это? Судьба? Объяснения давал и сам Бахтин в разных версиях, например: философ должен быть никем, потому что если он становится кем-то, то он начинает приспособливать свою философию к своей должности (цит. по: [17, 91]). См. подр. в работах Бахтина и в нашей работе о принципе «абсолютного себя-исключения» в [2; 19, 68; 18, 227-230].

16. Н.В. Брагинская замечает, что в 90-х годах прошлого века в нашей стране еще веяли иллюзии свободы, толкавшие современных авторов на то, чтобы не критично доверять увлечениям молодых братьев Бахтиных и их сверстников, что будто бы действительно идеи славянского возрождения реальны, и ситуация в России может быть так и понята как Третий ренессанс [7]. В то время как это было скорее похоже на состояние умов этого поколения, нежели на реальный исторический период развития, принятый в культуре как Третье Возрождение. Это было брожение умов, «увлечение талантливых и главным образом не доучившихся студентов» [7, 51]. Иллюзии быстро развеялись. Мифологема не состоялась.

Поступила в редакцию 12.08.2017 г.